

Ярослав Голубинов

**Дневник алтайского крестьянина
К. Ф. Измайлова: в 2 т., Москва, Смоленское,
Common place, 2020 (Т. 1. 1923–1934. 672 с.; Т. 2.
1935–1941. 688 с.).**

Количество эго-документов, которое нам досталось от прошлого столетия, превосходит всякое воображение. Важным отличием от предыдущих эпох стало появление и расширение доли среди них текстов, авторами которых выступили *маленькие* люди: крестьяне, рабочие, солдаты, прислуга, мещане, разночинцы и т. д. Их голоса, конечно, и прежде прорывались к потомкам, но были скорее случайностью, казусом, требующим особого подхода. Теперь же, в эпоху появления масс на арене истории, присутствие таких людей стало особенно явственным. Сохранились десятки тысячи документов, отложившихся в семейных или в государственных архивах. В письмах эти *маленькие* люди жаловались и радовались, в дневниках пытались осмыслить события своей жизни, в воспоминаниях подводили ее итог и пытались понять, не совершили ли они ошибки в выборе своего земного поприща.

Постепенное распространение образования среди податных сословий в позднеимперский период, а затем политика большевиков, направленная на просвещение и искоренение неграмотности в городе и деревне, принесли плоды. Все больше людей вовлекалось в мир печатного слова, а многие из них пытались выразить свои мысли на бумаге. Так, Йохан Хелльбек в своей известной книге на примере нескольких текстов демонстрирует, как в 1920–1930 годы дневник становится мощным средством самоорганизации и рефлексии личности под влиянием идеологии и стандартов новой советской морали (Хелльбек 2021). Безусловно, дневники не перестают выполнять и привычные функции, прежде всего фиксируя жизнь авторов день за днем. Дайаристы, представлявшие разные социальные слои и жившие в разных местах, конечно, в одиночку не могли отразить в своих текстах причудливый мир НЭПа, а затем первых пятилеток и времени больших политических процессов. И только изучение этих дневников *en masse* помогает охватить взглядом все советское общество, от партийной элиты в Москве до крестьян-бедняков в далеких сибирских деревнях.

Однако обращение к большим дневникам, охватывающим долгий период между двумя мировыми войнами, помогает иногда восстановить картину жизни какого-то социального слоя, местности, не говоря уже о жизни семьи или автора текста. Усилиями профессиональных историков и любителей (например, краеведов или собирателей семейных историй и генеалогической информации) из пыльных глубин старых сундуков и шкафов на свет извлекаются сокровища эго-документов: дневники и письма свидетелей эпохи 1920–1930-х годов, одного из наиболее спорных и богатых на события периода российской истории.

Одним из современников той эпохи стал алтайский крестьянин, житель села Смоленское, расположенного примерно в 200 километрах к югу от Барнаула, Константин Федорович Измайлов. Он родился вместе с новым веком, 15 марта 1900 года, и во время Великой Отечественной войны пропал без вести где-то под Ленинградом в марте 1942 года¹.

Кажется невероятным, что Измайлову в детстве выпало стать свидетелем русско-японской войны 1904–1905 годов и первой русской революции, потом уже подростком он видел, как уходят на фронты Первой мировой его земляки. Сам он взял в руки оружие только в годы Гражданской войны. Его призвали в армию Колчака, откуда он сбежал и попал к партизанам, отпустившим его домой. В начале 1920-х годов Измайлов еще послужил в частях особого назначения (ЧОН), которые боролись с бандитизмом. Затем наступил долгий перерыв до 1941 года, когда его снова призвали в армию, но теперь уже в Рабоче-крестьянскую Красную. Будучи уроженцем и жителем Алтая, Измайлов до 1941 года не выбирался из Сибири и многие эпохальные события знал только по рассказам других людей, статьям в прессе или из книг. *Жизненный мир* Измайлова ограничивался селом Смоленское и его окрестностями, откуда ему изредка удавалось выбираться в большие города (Барнаул, Омск или Новосибирск). Именно этот мир сибирского крестьянства, вдали от столичной суеты или кипения индустриализации и зафиксировал в своих многотомных (с 1924 по 1941 годы) дневниках Константин Измайлов.

Обретение дневников, как и бывает в таких случаях, произошло случайно благодаря любопытству Ангелины Михайловны Ситновой, которая после выхода на пенсию в начале 2000-х годов увлек-

---

¹ См. данные о нем на сайте *Память народа* (Память народа, б.д.).

лась краеведением и собрала внушительную коллекцию материалов по истории села Смоленское, где она жила с 1973 года. В ходе поиска любой мало-мальски интересной информации об уроженцах села она обнаружила сведения о существовании дневника Константина Измайлова. Родственники дайариста сохранили почти все его тетрадки, самодельные блокноты и записные книжки (уцелело 52 штуки), в которых он каждый день очень аккуратным почерком (при этом, все образование у Измайлова — два класса училища Министерства народного просвещения в его родном селе) заносил свои мысли о прожитом дне, отмечая все успехи и неудачи, а “важные для себя события обводил в рамку или подчеркивал строчки, отдельные фразы, слова” (Ситнова *et al.* 2020: 14).

Благодаря статьям Ситновой на собрание рукописных материалов обратили внимание участники проекта *Прожито*, которые перенесли текст на сайт проекта². Ситнова стала автором подробных комментариев к дневникам и предоставила несколько фотографий села. Затем уже публикация на сайте стала основой для двухтомника, выпущенного издательством Common place.

Сложно сказать, что проще и удобнее для чтения этого объемного дневника — книжная или интернет-публикация. Первая привычнее, вторая позволяет легко искать нужные места по ключевым словам. В предисловии к двухтомнику Ангелина Ситнова и Михаил Мельниченко подробно рассказывают об обстоятельствах обретения текста и особенностях оригинала (даже по разнообразию той бумаги, на которой вел дневники Измайлов, становится много понятно о его судьбе и тех трудностях, которые ему пришлось пережить), а также выделяют ряд тем и сюжетов, пронизывающих дневники и особенно ярко характеризующих его автора.

Прежде всего, Ситнова и Мельниченко обрисовывают биографию Измайлова. Стоит отметить, что за свои 42 года этот алтайский крестьянин побыл и землепашцем (в дневниках очень ярко обрисован тяжелый труд крестьянина-единоличника, целиком зависящего от земли), и служащим в советских и кооперативных учреждениях, а также конторщиком, заведующим народным клубом, кассиром, кладовщиком, наконец, милиционером (превратив свой дом в пересыльный этап для арестованных) и много еще кем. Вся жизнь Измайлова — это непрерывный поиск работы и подработки, и вообще заработка для себя и своей семьи. Дайарист так и не

---

² Страница К. Ф. Измайлова на сайте проекта (Ситнова, б.д.).

смог достичь каких-то карьерных высот, постоянно меняя места службы и также постоянно теряя в размере жалованья.

Измайлов бесхитростно фиксирует, что на это его подтолкнули внешние обстоятельства, так как занятие крестьянским трудом становится просто невыгодным после начала коллективизации (сам автор лишился практически всего, сначала вступив в коммуну, а затем выйдя из нее):

“Жить по-старому свободной профессией, стало нельзя. Надо обязательно продавать себя куда-нибудь на казенную или общественную работу. Иначе пропадешь с голоду. Служащему и рабочему, работающему на государственной или общественной работе, хотя и понемногу, но дают хлеба” (запись от 31.05.1932) (*Дневник... 2020а: 414*).

Помимо работы у Измайлова было много дел в родном доме. У него было четыре брата и три сестры. Братья разъехались по алтайским и сибирским селам и городам, но иногда приезжали и подолгу жили в родительском доме, сестры же вышли замуж и тоже переехали в другие места. Константин Измайлов женился в начале 1920-х годов на Анне (в дневниках он называет ее сокращенно Нюра) Вязниковой, у них родилось четверо детей, выжили из которых только двое (дочь Клара и сын Владимир, которому и достались в конце концов отцовские дневники). Надо отметить, что хотя Измайлов часто пишет о своих родственниках и членах семьи, но никогда не вдается в какие-то подробности, опуская или умалчивая многие моменты своей и их приватной жизни, о которых ему просто не хотелось, судя по всему, писать, отмечая лишь иногда, например, что “поругался с женой”. Возможно, что он опасался, что дневники кто-то может прочесть либо же имел некое представление (но четко его не обозначил) о том, как и что надо в дневнике писать. Только в моменты сильного горя, после смерти жены (она умерла в апреле 1941 года) он позволил прорваться наружу чувствам: “все еще тоскую и скучаю по Нюре”, “заливаю горе вином” (*Дневник... 2020б: 626; 627*).

Однако Измайлов довольно откровенен, когда пишет о пьянстве односельчан и прежде всего о своем собственном (впрочем, в этом ему помогали и братья) увлечении выпивкой, которое в конце концов погубило его карьеру и ввергло в нищету. Дайарист не устаёт каждый год отмечать, что на церковные и государственные праздники все сельчане пьют, тратя огромные деньги и подчас совершенно разоряясь. Вместе с пьянством на первый план выходит

и тема еды (особенно часто автор отмечает моменты *голода* в 1930-е годы, когда ситуация с продовольствием стала особенно острой). Хороший обед, вкусная и обильная еда специально отмечаются им как нечто особенно ценное и в какой-то момент абсолютно недостижимое счастье. Именно голод, дефицит, повышение цен вызывали у Измайлова особенно острую критику властей, которая, впрочем, никогда не перерастала во что-то большее. И сам Измайлов, и его супруга некоторое время состояли в коммунистической партии и, видимо, вполне были лояльны власти (так, в дневнике приведены многочисленные цитаты из газет и книг, посвященных достижениям индустриализации и вообще советского государства).

Наиболее неожиданным моментом в жизни Измайлова оказывается его увлечение театром. Он играл и ставил пьесы, заведовал Народным домом, в котором ему довелось 343 раза выйти на сцену, исполняя как главные, так и эпизодические роли. Однако его мечтам о постоянной работе в *Нардоме* не суждено было сбыться, коллектив отверг его кандидатуру, по-видимому, припомнив Измайлову его пьяные выходки.

Дневники Константина Федоровича Измайлова выглядят уникальными и как по временному их охвату, так и по широте описания именно советского провинциального сельского общества 1920—1930-х годов. Описания подробностей быта, заботившие автора, становятся важными наблюдениями над жизнью крестьян Советской Сибири. А сам автор обретает черты то ли Иова, страдавшего и потерявшего все, но так никогда ничего и не получившего взамен, то ли средневекового летописца, бесстрастно фиксировавшего все напасти, выпавшие на долю страны.

В 1939 году дайарист записал:

“Двадцать лет уже доходит, как я пишу свои дневники, непрерывно каждый день. В этом мое удовольствие, мое желание. Дневники за все годы хранятся в целостности, сложенные по порядку и по годам в отдельности. Может быть, кому и пригодится моя работа с дневниками когда-нибудь” (запись 13.12.1939) (*Дневник... 2020б: 471*).

Можно смело констатировать, что желание это сбылось. Дневники, наконец, нашли благодарных читателей и исследователей.

Рецензия выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00221 *Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте.*

Библиография

Дневник 2020а: Байкалова, Анна (ред.). 2020. *Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова: в 2 т., т.1* (Москва, Смоленское: Common place).

Дневник 2020б: Байкалова, Анна (ред.). 2020. *Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова: в 2 т., т.2* (Москва, Смоленское: Common place).

Память народа, б.д.: Память народа. Б.д. <https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie58404213/> [последнее посещение 9 ноября 2021].

Ситнова, б.д.: Ситнова, Ангелина. Б.д. 'Измайлов Константин Федорович', <<https://prozhito.org/person/1629>> [последнее посещение 9 ноября 2021].

Ситнова *et al.* 2020: Ситнова, Ангелина и Мельниченко, Михаил. 2020. 'Предисловие', в *Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова: в 2 т., под ред. А. Байкаловой, т.1* (Москва, Смоленское: Common place).

Хелльбек, 2021: Хелльбек, Йохен, 2021. *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи* (Москва: Новое литературное обозрение).